

АНТОНОВ Е.А.

***Оценка метафизических оснований дарвинизма
Н.Н.Страховым и современные направления
их осмысления***

Среди всех самых известных научных теорий дарвинизм претендует на самую главную, имея на это самые незначительные основания.

Л Жаки

Прошло уже 150 лет со времени опубликования знаменитой работы Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь», но и сегодня проблема метафизических оснований дарвинизма продолжает волновать умы ученых и философов, порождая нескончаемые остро сюжетные дискуссии. Существующая до сих пор методологическая неопределенность и односторонность в рассмотрении эволюционного учения Ч. Дарвина явно мешает адекватному освоению как философских оснований эволюционной теории, так и ее содержательной составляющей. И этому есть объяснение – при осмыслении дарвинизма наличествует «конфликт идеологий». Раскол происходит как раз по основаниям дарвинизма, когда, с одной стороны, в качестве основы выступает позитивизм, а с другой – таковой диалектика. Такая ситуация связана с тем, что дарвинизм опирается на разнородные философские основания. В связи с этим необходима разработка теоретической модели философских оснований дарвинизма, что предполагает конструктивную реконструкцию и систематическое изложение его философских и социокультурных оснований.

В этих условиях необходим отказ не от самого дарвинизма, а от той неистовой апологии дарвинизма, в качестве образчика которой выступает, в частности, К.А. Тимирязев. Это позволит в ходе дальнейших конструктивных дискуссий выйти из того замкнутого круга, в котором двигаются дарвинисты и их оппоненты при решении как проблем самой эволюции, так и глобального эволюционизма.

1. О системе оснований науки и научной теории

Известный французский физик Л. Бриллюэн писал: «Ученые всегда работают на основе некоторых философских предпосылок, и, хотя многие из них могут не осознавать этого, эти предпосылки в действительности определяют их общую позицию в исследовании»¹. При этом философские предпосылки и основания играют роль структурообразующих компонентов или ядра той или иной научной концепции или учения. Речь идет именно о внутренних основаниях, принадлежащих самой биологии. В качестве внешних оснований можно рассматривать философемы, на базе которых осуществляется философское обоснование и объяснение внутренних философских оснований. Со второй половине XX в. эти внешние условия и предпосылки становления и развития научной теории получили название социокультурных оснований.

Биология, как и любая другая наука, немыслима без определенных метафизических оснований. Между тем их выявление связано с определенными трудностями, в частности, с тем, что, во-первых, метафизические положения могут вырабатываться в философии, а затем вноситься в науку; во-вторых, они могут бессознательно вырабатываться в рамках самой науки. При этом для их осознания и развития необходима философская рефлексия. Как справедливо считает Ю.В. Чайковский, «наука, не анализирующая своих основ, понемногу теряет смысл, превращаясь в то, что Т. Кун назвал решением головоломки. Такой... оказалась сегодня судьба столь уважаемых научных дисциплин, как теория вероятностей в математике и дарвинизм в биологии, а возможно – и теория квантов в физике. При всем их различии как по предмету, так и по методу, они проявляют удивительное сходство в одном: в нежелании анализировать свое основное понятие – случайность»².

Сегодня становится все более очевидной глубокая зависимость эволюционной теории Ч. Дарвина от лежащих в ее основании философских (метафизических) представлений, идей, понятий и принципов. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: каковы же те основания эволюционной теории Ч. Дарвина, которые позволили ей не только просуществовать такое значительное время, но и продолжать играть огромную роль в духовной жизни че-

¹ Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966. С. 11.

² Чайковский Ю.В. Степени случайности и эволюция // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 70.

ловческого общества? Следует признать, что теория Ч. Дарвина опиралась на различные философские основания, которые использовались зачастую неосознанно. Именно поэтому «на протяжении всей своей научной деятельности, – как справедливо пишет Н.Ю. Беляев, – Дарвин постоянно колебался... в самом главном – в концептуальных основаниях своей теории»¹. Эти колебания и противоречивость отчасти объясняется исторической ролью Дарвина, стоявшего на рубеже двух эпох в развитии научного мышления

В связи с изложенным их историческая реконструкция становится неотложной задачей для современных исследователей. При решении проблемы оснований дарвинизма важно обратиться к более общей проблеме – к взаимоотношению дарвинизма и философии. Как отмечает И. Ирибаджаков, «с конца 50-х годов прошлого столетия до наших дней не было ни одного сколько-нибудь значительного философского течения, школы или вообще учения, которое не было бы вынуждено определять своего отношения к эволюционной теории Дарвина»². Среди них наиболее близкими к дарвинизму как в прошлом, так и в наше время остаются позитивизм и диалектика.

Следует обратить внимание на тот исторический факт, что проблеме анализа оснований науки в качестве методологической проблемы выдвинула постпозитивистская философия науки. Однако, как считает В.С. Степин, «она пока не установила, каковы главные компоненты оснований науки и их связи. Не прояснены в достаточной мере и связи между основаниями науки и опирающимися на них теориями и эмпирическими знаниями. А это значит, что проблема структуры оснований, их места в системе знания и их функций в его развитии требует дальнейшего, более глубокого обсуждения»³. Важнейшее значение приобретает анализ механизма связи между теоретическими установками эволюционной теории и комплексом социокультурных традиций и ценностных оснований науки. Сегодня мы признаем, что принятие социумом тех или иных достижений науки и типов интеллектуальных новаций и технологий в культуре эпохи весьма существенно определяются сложившейся в обществе ценностной структурой сознания, менталитетом сообщества и его идеалами.

---

¹ Беляев Н.Ю. «Механицизм» в новоевропейской культуре. СПб., 2007. С. 165–166.

² Ирибаджаков И. Дарвиновская революция в биологии и ее философские аспекты // Коммунист. 1982. №15. С. 44.

³ Степин В.С. Теоретическое знание. М: Прогресс-Традиция, 2003. С. 188.

В качестве важнейших компонентов, которые образуют основания науки, В.С. Степин выделяет общенаучные и философские: 1) научная картина мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки. Что же можно предложить в качестве такого философского, метафизического основания? Какие философские идеи, принципы и концепции необходимо использовать? Отметим, что под метафизическими основаниями эволюционной биологии мы будем понимать совокупность идей, понятий, принципов и постулатов, которые составляют содержание общеприкладного уровня биологической науки (см.: В.И. Аршинов, В.Г. Борзенков, З.В. Каганова, В.И. Метлов, В.С. Степин). К такого рода основаниям относятся онтологические, гносеологические, логико-методологические, мировоззренческие, аксиологические и метанаучные положения, используемые в философии биологии. Кроме того, обоснование дарвинизма означает выявление его оснований и рассмотрение этого учения путем установки его связей с этими основаниями.

Философия науки является дисциплиной, рефлексирующей по поводу природы и оснований научного знания. Каковы метафизические и основания такой предпочтительности дарвинизма по сравнению с другими эволюционными теориями? Каковы методологические воплощения этих оснований в конкретном строительстве этой теории? Следует также поставить вопрос о динамике метафизических оснований эволюционной теории. Необходимой предпосылкой для решения задачи дальнейшего развития эволюционной теории в современных условиях является вычленение и анализ ее метафизических и социокультурных оснований. Поскольку содержание и структура философских оснований эволюционной теории является во многом генетически обусловленной, постольку исследование их необходимо в контексте культурно-исторического генезиса.

Философские корни эволюционной теории Ч. Дарвина прослеживаются различными исследователями, начиная с античности и до середины XIX в. Следует признать, что при всех своих колебаниях Ч. Дарвин находился преимущественно на материалистических и атеистических позициях, выражавшихся в положениях философского эмпиризма и индуктивизма. При этом дарвинизм, являясь естественнонаучной теорией, имел свою философскую окраску, включал определенные философские основания.

Ч. Дарвин глубоко продумывал философские, в особенности мировоззренческие вопросы. В его «Дневнике» имеются две такие

записи: в июле 1828 г. «начал записную книжку по метафизическим изысканиям», а в августе «читал порядочное количество различных занимательных книг и уделял некоторое внимание метафизическим вопросам»¹. К сожалению, эта записная книжка Ч. Дарвина не сохранилась, хотя в ней и содержались, несомненно, размышления по философским вопросам, необходимым для разработки эволюционной теории. Это видно из заявления самого Ч. Дарвина, что он, составляя свою первую записную книжку о происхождении видов, работал «подлинно бэконовским методом и, без какой бы то ни было [заранее созданной] теории»². Тем самым здесь подчеркивается его отношение к эмпиризму Ф. Бэкона и используемому методу.

Одним из прямых философских предшественников эволюционного учения Ч. Дарвина является Гегель, хотя он и остался «выше Дарвина в учении о развитии»³, изложив его глубже и многостороннее. В эволюционном учении Ч. Дарвина, несомненно, содержатся некоторые позитивистские и не вполне диалектические моменты. И это вполне понятно, поскольку О. Конт оказался, по словам К.А. Тимирязева, человеком, «который более всех ученых и мыслителей заслуживает по праву быть признанным предвозвестником *дарвинизма*... Он один вполне определенно высказал идею естественного отбора... в поразительно лаконичной форме»⁴. Однако В.И. Назаров считает, что идея отбора, высказанная О. Контом, дает лишь формальное основание относить его к предшественникам Ч. Дарвина. К этому следует добавить, что хотя бы и формальное, но основание есть и его необходимо учитывать.

Представителя английского позитивизма Г. Спенсера Ч. Дарвин считал одним из своих предшественников, называя его «наш философ». Более тесные отношения связывают Ч. Дарвина с Г. Спенсером, с которым он находился в дружеской переписке. Дарвин достаточно высоко оценивал спенсеровскую философию, а сам Г. Спенсер неоднократно отмечал то обстоятельство, что еще до выхода знаменитой книги Ч. Дарвина он разработал так называемый закон прогресса, воплотивший идею всеобщей эволюции. Поэтому дарвиновское учение он воспринимал как подтверждение

---

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (автобиография). Дневник работы и жизни. М., 1957. С. 163–164.

² Там же. С. 128.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 454.

⁴ Тимирязев К.А. Соч., г. IX. М.: Сельхозгиз, 1939. С. 105–106.

своего закона на материале биологии, признавая естественный отбор в качестве одного из важнейших факторов эволюции.

Позитивизм выступил в качестве первой философско-методологической модели обоснования эволюционного учения Ч. Дарвина. В первую очередь это касается биологически истолкованного эволюционизма Г. Спенсера, с которым Ч. Дарвин долгое время поддерживал дружеские отношения. Как известно, эволюционное учение Ч. Дарвина как эволюция путем естественного отбора не противоречит эволюционным представлениям Г. Спенсера. Более того, Ч. Дарвин включает в свое определение естественного отбора принципиальное положение, ранее высказанное Г. Спенсером, согласно которому происходит «переживание наиболее приспособленных». В 1868 г. Ч. Дарвин дает «гибридную» формулировку понятия естественного отбора: «Естественный отбор, означающий выживание особей, лучше всего приспособленных к окружающим их сложным и изменяющимся в течение веков условиям, и производство этими особями себе подобных»¹. Эволюционная теория благодаря Ч. Дарвину получила дальнейшее развитие, причем эмпирически более пространное и обоснованное.

Как считает Ф.А. Дворянкин, «дарвинизм не случайно отступает к мальтузианству, сводит закономерные результаты органического развития стихийному суммированию механическим отбором беспорядочных, разнонаправленных единичных движений. Это пресловутая идея о «результанте» известной в XIX в. «теории равновесия», особенно распространявшейся Спенсером, а затем всем позитивизмом»².

Как известно, эволюционная теория Дарвина, где ведущую роль играет естественный отбор, широко использовалась позитивистами (Г. Спенсер, Э. Мах, К. Поппер, Т. Кун). В свое время Э. Мах, находившийся на позитивистских позициях, писал: «Наука есть составная часть дарвиновской борьбы за существование». Именно поэтому можно вполне согласиться с Ю.А. Шрейдером, что «дарвинизм был принят позитивистски ориентированным научным сообществом «на ура» именно потому, что он создавал иллюзию возможности раз и навсегда изгнать телеологические объяснения из биологии»³. Это связано, по его мнению, с тем, что идея

¹ Дарвин Ч. Соч. Т. 4. Изменение домашних животных и культурных растений. М., Л., 1951. С. 595.

² Дворянкин Ф.А. Дарвинизм. Курс лекций по истории эволюционного учения и проблема дарвинизма. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1964. С. 200.

³ Предисловие Ю.А. Шрейдера // Любичев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб., 2000. С. 11. О новом понимании отношения Ч. Дарви-

целесообразности как фактора эволюции не опровергается позитивистским мышлением, но отвергается им с порога.

В этих условиях не совсем удачной и односторонней выглядит попытка В.И. Назарова показать, что позитивизм явился серьезной преградой на пути распространения эволюционной теории, в частности, во Франции. Пытаясь обосновать свою мысль, он пишет, что как в XIX в., так и в XX в. позитивизм оставался упорным противником дарвинизма. В частности, он писал: «Известный физиолог Э. Глей отмечал: «Распространявшийся позитивизм (например, в лице Ш. Робэна) относился очень враждебно к эволюционизму»¹. И далее В.И. Назаров отмечает, что Э. Форе-Фреме писал, что «проблемы происхождения и развития волновали многих ученых Германии, Англии, Америки, тогда как во Франции они находили только слабый отклик. К этому следует добавить, что проблема противоречивости восприятия дарвинизма научным сообществом и отношение к нему позитивизма еще ждет своего дальнейшего, более глубокого изучения.

Представители логического позитивизма отрицали за дарвинистским учением статус подлинной научной теории и наличие в нем метафизических проблем. Важно отметить, что логико-методологические основания рассматривались преимущественно в позитивизме, игнорируя в нем мировоззрение. Однако сегодня все более осознается значимость проблемы мировоззренческих и ценностных оснований науки как специфического типа духовной деятельности. Целесообразно признать наличие динамики метафизических оснований эволюционной теории.

Каждая научная теория требует априорных (независимых от опыта) предпосылок (основных положений или принципов). Эти основные положения не поставляются природой, а потому носят метафизический характер. Они признаются условно. В основаниях биологических теорий, включая эволюционную теорию, обнаруживаются метафизические компоненты. Как справедливо отмечает Г.Л. Тульчинский, «в основаниях научного знания от математики до эмпирически-прикладных теорий обнаружены интуиция и метафизические метафорические смыслы, ставящие под сомнение рациональность научного осмысления и объяснения реальности»².

на к телесологии подробнее см.: Борзенков В.Г. Является ли теория Дарвина геологической? // Споптанность и детерминизм. М.: Наука, 2006.

¹ Назаров В.И. Эволюционная теория во Франции после Дарвина. М.: Наука, 1974. С. 61.

² Тульчинский Г.Л. О метафизичивании науки (Способы философствования и наука) // Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб, 1998. С. 152.

Попытки современных исследователей найти прямое указание на использование априорных понятий у Ч. Дарвина пока не увенчались успехом. Так, В.С. Крисаченко настойчиво проводит мысль о том, что «сам априоризм не нашел места в методологии Ч. Дарвина, в то же время рационализм И. Канта, его идея индуктивной невыводимости логических структур, творческой и познавательной активности субъекта, очевидно, не могла не привлечь Ч. Дарвина»¹. Между тем если не в сознательной, то в неосознанной форме этот априоризм, несомненно, присутствует. Об этом свидетельствуют исходные положения дарвинизма борьба за существование и естественный отбор, которые не выводятся из живой природы, а привносятся в нее априорно как системообразующее начало. В то же время В.С. Крисаченко находит априорность у других, более поздних представителей эволюционной теории. «В данном случае важно, – пишет он по поводу эволюции как номогенеза, – что эволюция, представляя собой естественно-исторический процесс, тем самым выступает и закономерным явлением, а также то, что закономерность, понимаемая как внутренне предопределенная направленность эволюции, не выводится из действительности, а привносится в нее *априорно* как системообразующее начало»².

Другие отечественные философы науки, напротив, считают, что в дарвинизме содержатся априорные положения, имеющие чисто концептуальный характер. Так, В.Л. Фесенкова пишет: «Так возникновение дарвинизма было связано с широко распространенными в то время эволюционистскими представлениями, которые ставили вопрос: «Что движет эволюцией?» Дарвин искал ответа на этот вопрос в демографическом труде Томаса Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», под влиянием которого он сформулировал свой тезис о борьбе за существование, выделив две формы конкуренции – внутривидовую и межвидовую. Этот *априорный* (выделено нами. – Е. А.), по отношению к биологическому материалу, постулат определил лицо всего дарвинизма»³. Действительно, вывод о борьбе за существование как основании действия естественного отбора был сформулирован логически, умозрительно, без соответствующих экспериментальных подтверждений и имел априорный характер.

Важно отметить тесную связь дарвиновского учения с философским эмпиризмом и учениями об индуктивном методе. Истори-

¹ Крисаченко В.С. Философский анализ эволюционизма. Киев, 1990. С. 55.

² Там же. С. 21.

³ Фесенкова Л.В. Теория эволюции и ее отражение в культуре. М., 2003. С. 21.

ки, изучившие эпистолярное наследие Ч. Дарвина, нашли в нем много указаний на его расхождения с господствующими индуктивистскими взглядами. Собирать факты, не имея предварительных гипотез, считал он, все равно что пересчитывать камешки в гравийном карьере. Поэтому его совет молодому ученому звучал так: «Пусть теория руководит Вашими наблюдениями, но, пока Ваша репутация не утвердилась, не спешите публиковать теорию, это заставит людей усомниться в Ваших наблюдениях»¹.

Парадоксально, что Дарвин, более других способствовавший развитию гипотетико-дедуктивного стиля мышления, декларирует свою приверженность индуктивизму. «Происхождению видов» предпосланы три эпиграфа. Первый – из философа У Уэвелла, тогдашнего президента Королевского общества и главного авторитета по части метода, второй – из теолога Дж. Батлера и третий – из самого Бэкона Веруламского, основателя английского индуктивизма. Содержание этих эпиграфов небезынтересно. В цитате из Уэвелла говорится, что высшая сила лишь учредила общие законы, не вмешиваясь в частные случаи, – идея, прозвучавшая у Дарвина в заключительном абзаце книги и восходящая к Галилею, который таким образом отстаивал право ученого делать выводы из своих наблюдений, не сверяясь с Библией (для средневекового дедуктивного мышления отправным пунктом была непререкаемая истина, содержащаяся в Библии, поэтому индуктивизм Галилея, позволявший отделить науку от веры, был прогрессивным в свое время, но не в середине XIX в.).

Скованность Дарвина буржуазными условностями сильнее всего проявилась в том, что учёный долго не решался опубликовать свою работу, страшась реакции этого самого «общественного мнения». Поначалу он хотел, чтобы его книга была опубликована лишь после его смерти, и только ознакомление со статьёй Альфреда Уоллеса, ставившей под вопрос приоритет Дарвина, заставило его решиться на публикацию книги.

Учение Дарвина в корне подрывало метафизические представления о постоянстве видов и сотворении их богом. Дарвин внес в познание живой природы два кардинально новых атрибута: во-первых, идею о естественном отборе и, во-вторых, идею о борьбе за существование. В классическом дарвинизме наследственность и изменчивость рассматриваются как исходные положения, постулаты, принимаемые без доказательств. Со времен Дарвина мы склонны рассматривать зависимость человека от природного ок-

---

¹ More Letters , 1903 С 323

ружения как борьбу с враждебными силами. В рассуждениях Ч Дарвина в качестве метафизических предпосылок подразумевалась борьба за существование, предполагавшая естественный отбор

Таким образом, возникшая в середине XIX столетия дарвиновская эволюционная теория посредством отбора, превратившаяся в научную парадигму, зиждется на следующих фундаментальных метафизических основаниях: во-первых, закон Мальтуса о борьбе за существование; во-вторых, положение о том, что все разнообразие органических форм возникло на основе естественного подбора из нескольких первоначальных; в-третьих, положение об изменчивости видов; в-четвертых, определяющую роль в изменении видов играет случайность, в-пятых в основании дарвинизма были положены естественноисторические, механистические воззрения на органический мир. Ни один из них не является эмпирическим фактом или его обобщением, но диктуется человеческим разумом, ментальностью народов западных стран и прежде всего англичан.

2. Дарвиновская эволюционная теория в оценке Н.Н. Страхова

Характеризуя Н.Н. Страхова как одного из антидарвинистов в России, К.М. Завадский отмечал. «Страхов одним из первых в России выступил в защиту дарвинизма, а в 80-е гг. стал инициатором похода против дарвинизма с позиций идеалистической теории Данилевского»¹. На основании этого утверждения может сложиться и действительно сложилось неправильное представление о действительном отношении Страхова к дарвинизму. Как справедливо пишет Н.П. Ильин, «именно Н.Н. Страхов положил начало серьезной критике дарвинизма в русской философии»² и делал он это исходя из собственных позиций как философ и методолог науки

В 1862 г. Н.Н. Страхов положил начало конструктивно-критическому осмыслению эволюционной теории Ч. Дарвина и социалдарвинизма с позиций диалектической философии. Он первым в отечественной литературе выступил против переноса этого уче-

---

¹ *Завадский К.М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859–1920-е годы) Л., 1973 С. 219

² *Ильин Николай* Первый опыт критики дарвинизма в русской философии и современная теория научного знания // Философская культура 2005 № 2 Интернет

ния на человеческое общество, а также против утверждения, что в нем царит борьба за существование и переживание наиболее приспособленных, а, следовательно, что неравенство людей есть закон природы

Одну из причин принятия учения Ч. Дарвина научным сообществом Страхов выделяет довольно четко – падение философии и духовности в обществе, вызвавшие распространение вульгарного материализма. Действительно, в признании эволюционной теории огромную роль сыграли изменения в духовной атмосфере. Каковы же были изменения в философском мировоззрении? Это было время перехода от механистического к органическому мировоззрению, от теоцентрического, религиозного к органическому взгляду на мир. Поэтому Страхов был полностью согласен с Ч. Дарвиным в его борьбе против метафизической концепции постоянства видов. В то же время он довольно подробно характеризовал предрассудки, господствовавшие в ученом мире, согласно которым частная наука обладает верховным авторитетом. «Этот предрассудок, – писал он, – очень силен у Дарвина, который на сколько-нибудь отвлеченные и трудные философские вопросы смотрит с таким недоверием и отчуждением, что даже не считает нужным говорить о них и опровергать их. Второй предрассудок еще хуже. Ученые суеверно преклоняются пред общим мнением своих собратий. Казалось бы, какое дело исследователю, кто как думает, кто с ним согласен и кто нет? Если он твердо уверен в своей методе и убежден в научной прочности добытой истины, то какой вес могут иметь в сравнении с этим убеждением чьи бы то ни было мнения? Какой смысл – большинство?»¹.

Представляют несомненный интерес размышления Страхова о метафизических основаниях эволюционной теории Ч. Дарвина. Эволюционная идея первоначально была восторженно принята Страховым, а затем подвергнута многосторонней критике. «Теория Дарвина, – писал Страхов, – столь знаменитая в настоящую минуту, если взять ее с той точки зрения, на которой стоит ее основатель, есть также не более как *априорический взгляд* (выделено нами. – Е. А.), именно мысль о случайности, внесенная в рассмотрение органических форм»².

Для Страхова характерен не отказ от кантовского априоризма и метафизики, как это было в марксизме, а нечто иное. Априоризм,

---

¹ Страхов Николай. Дарвин // Философская культура. 2005. № 2. С. 5. Там же. Интернет, или Борьба с Западом.

² Страхов Н.Н. Мир как целое. М, 2007. С. 439.

по Страхову, во-первых, вырабатывается в рамках самой науки, но имеет незрелый характер; наука порождает свою метафизику, но недостаточно осознает ее; во-вторых, априоризм идет от философии, предмет которой составляет все априорическое, и которой руководствуется та или иная наука. Сам Страхов стремился «взять методу, как она уже успела осуществиться в науке и в этих приемах отыскать и разяснить их априоричность, поставить ее на вид там, где она не была замечена»¹.

Научная теория возникает в результате взаимодействия априорной отождествляющей способности с эмпирическим материалом. В философии и методологии науки как самостоятельном направлении философских исследований представлены разные взгляды на априорное знание в науке. Интересным представляется взгляд на эту проблему философа и историка науки Н.Н. Страхова. Как и Канта его интересует не источник знания, а проблема существования научного знания, вопрос о том, как возможно такое существование. Он проводит различие между тем, что возможно априористически (метафизически) и фактически (физически). Априорные формы созерцания и мышления – ответ Страхова вслед за Кантом, но уже в другой историко-культурной обстановке на оппозицию рационализма и эмпиризма.

Признавая необходимость «метафизической примеси» к наблюдению и опыту в естественных науках, Страхов ставит вопрос о методе естественных наук, существенно отличном от гегелевского. «Метода по самой своей сущности есть всегда дело априорическое, т.е. она ни в коем случае не заимствуется из опыта, из каких-нибудь данных фактов, а всегда только прилагается к опыту, всегда руководит в исследовании фактов. На этом основании можно было бы подумать, что метода всегда дается частным наукам общию наукою, тою наукою, предмет которой составляет все априорическое, т.е. философию. Так это и бывает, но не всегда и даже очень редко. Обыкновенно науки имеют самостоятельность, существуют независимо от философии»².

Современные специалисты в области истории философии и философии науки А.Ф. Зотов и Ю.В. Воронцова считают, что «каждое новое достижение естественной науки, став теоретической концепцией, вновь оказывается чреватым некоторой “метафизиче-

¹ *Страхов Н.* О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865 С. IX.

² Там же. С. VI.

ской компонентой»¹. На это же сто лет назад указывал и Страхов, значительно опередив свое время. Метафизическую компоненту или примесь он связывал с априорными положениями, сознательно или неосознанно находящимися в науке или научной теории. «Каждая наука, – считал он, – имеет свою метафизику, то есть она вносит в свои исследования некоторый априорический взгляд на предмет, которым занимается, – она заранее определяет *сущность* своего предмета и старается подтвердить это определение, распространить его все дальше и дальше. Только таким или подобным образом наука и может двигаться вперед, ибо движение без цели для ума невозможно. Таким образом происходит, что так называемые опытные и наблюдательные науки никогда не имеют чисто опытного и наблюдательного вида, а всегда более или менее облачают свои результаты в предвзятую форму»². Итак, начав с прояснения оснований научного метода познания, Страхов увидел в науке фактор искажения подлинных «истин» бытия.

Страхов придает диалектике большое значение в познании, предвидя время, когда метафизика в ее традиционном понимании «будет вовсе изгнана из наук, то есть из них будут изгнаны всякие попытки воплощать сущность вещей в те или другие частные формы. Тогда априорический элемент, эта душа каждой науки, будет иметь вид не метафизики, а *диалектики*»³. По мнению Страхова, «прямая и положительная польза от философии для естественных наук будет состоять в разъяснении тех понятий, которые постоянно встречаются в этих науках, в изменении смысла их категорий»⁴.

Далее он утверждает, что «метафизическая примесь к наблюдению и опыту не только не препятствует развитию науки, а, напротив, составляет условие и причину этого развития... Но в каждой науке рано или поздно наступает или должно наступить время, когда ее метафизика станет для нее недостаточной стеснительной. Именно, – со временем оказывается, что сущность вещей лежит гораздо глубже, чем как полагала аргюи какая-нибудь наука. В таком случае приходится бросить ее старую метафизику и внести в нее новую, которая бы не стесняла ее движений и отрывала ей новые пути и задачи. Так это и делается, причем обыкновенно старая метафизика бывает упорно защищаема привычными к ней учеными, и новая долгое время принимается за смелую гипотезу»⁵.

¹ Зотов А Ф, Воронцова Ю В Буржуазная «философия науки» (становление, принципы, тенденции) М Изд-во Моск ун-та, 1978 С 9

² Там же С 438

³ Страхов И И Мир как целое М, 2007 С 440

⁴ Страхов И И Философские очерки Киев, 1906 С 38

⁵ Там же

«Если изменчивость видов есть истина (как это мы и думаем), то почему же она не уяснилась постепенно, почему была упорно отвергаема, хотя провозглашалась беспрестанно? – задает вопрос Страхов и отвечает на него следующим образом: «Не наука сделала этот шаг, а помимо естествознания изменились нравственные и философские понятия людей: вот причина успеха Дарвина»¹. Страхов считал, что движение идей вообще не совершается по самобытным логическим правилам, а получают развитие от нравственной стороны.

Действительно, в признании эволюционной теории огромную роль сыграли изменения в духовной атмосфере. Каковы же были изменения в философском мировоззрении? Это было время перехода от механистического к органическому мировоззрению, от теоцентрического, религиозного к органическому взгляду на мир. Поэтому одну из причин Страхов выделяет довольно верно и четко – падение философии и духовности в обществе, вызвавшие расширение вульгарного материализма.

«Дарвин нашел, – писал Страхов, – что организмы развиваются по закону естественного подбора. Если стать и на эту точку зрения, то окажется, что человек есть отборнейшее существо природы, то существо, перед которым все другие существа, как органические, так и неорганические, одинаково отступают и побеждаются в борьбе за существование. Убить льва или провести реку по новому руслу – эти два подвига Геркулеса – имеют одинаковое значение в человеческом мире»².

Признавая значимость отдельных положений этой теории для обоснования с биологических позиций цельности мира, Страхов писал: «Виды животных и растений, которые некогда считались за абсолютно особые, независимые формы, – как признано теперь благодаря Дарвину, – постепенно развивались одни из других. Таким образом, цельность мира, несмотря на его разнообразие, доказывается все яснее и яснее»³.

Страхов считал, что дарвинизм не вскрыл подлинных «механизмов эволюционного процесса. По его мнению, Ч. Дарвин «объяснил только отрицательную сторону истории организмов; он показал только, что виды могут исчезать в борьбе за существование, но как они возникли, откуда являются силы, которые должны процвести среди этой борьбы... на это он дал смутные и совершенно

¹ *Страхов НН* Философские очерки. Киев, 1906. С. 38.

² Там же. С. 309

³ Там же. С. 431.

неудовлетворительные ответы»¹. «Дарвин допускает, – писал Страхов, – только случайные, малые и постепенные отступления от наследственности: но такие отступления никогда не могут ни накопиться, ни дать отсталым формам перевеса в борьбе за существование»². По его мнению, развитие есть смена различных организаций, а наследственность есть передача способности к такой смене. Наследственность в организмах есть наследование развития – вот существенная ее черта.

Такой поход к дарвинизму был присущ философам и ученым того времени. Как отмечают В.Г. Борзенков и В.И. Купцов, во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в. было характерно то, что «многие философы и биологи того времени не принимали эволюционной концепции Ч. Дарвина именно за ее «случайный характер»³. По их мнению, если раньше в качестве основного вопроса выступало положение о возможности построения теории на случайной основе, то сегодня, когда подобные теоретические построения уже существуют и успешно функционируют в биологической науке, возникает вопрос о статусе этих теоретических построений. В связи с этим возникает потребность в разработке таких вопросов как взаимоотношение случайности и целесообразности, случайности и самоорганизации, случайности и направленности эволюционного процесса. К этому следует добавить, на наш взгляд, что эти вопросы требуют своей дальнейшей разработки в синергетике и глобальном эволюционизме.

В «Предисловии ко второму изданию» своей работы «Мир как целое», написанному 7 марта 1892 г., Н.Н. Страхов дал окончательную оценку, высказал ряд итоговых положений относительно теории естественного отбора Ч. Дарвина. «Учение Дарвина, – писал он, – не есть успех в науке об организмах, а уклонение от прямого пути, и, сколько бы любопытных частных ни собрали натуралисты на этой отводящей в сторону дороге, рано или поздно им придется вернуться к правильным путям исследования и приняться снова за великий труд, которого они думали избежать. Они должны будут продолжать морфологическое исследование организмов, то есть приводить к большому и большему совершенству естественную систему животных и растений, а также разработать

---

¹ *Страхов Н.* Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб. 1894 С 305

² Там же С 298.

³ *Борзенков В.Г., Купцов В.И.* К постановке проблемы случайного в эволюционной теории // Философские проблемы случайного в эволюционной теории. М., 1971 Ч. 1 С. 110.

гомологии всех их организмов и, наконец, сравнительную историю развития и целых организмов и каждого их органа¹. По его мнению, при господстве дарвинизма натуралисты не видят верховного значения этих исследований и пренебрегают ими.

«Дарвинизм, – считал Страхов, – есть заблуждение, которое можно поставить в один ряд со спиритизмом, бывшим в таком ходу у натуралистов, с учением о кривизне пространства и о возможности в нем четвертого измерения, – этим пышнейшим цветком современного эмпиризма»². Это радикальное заключение русского философа по поводу дарвинизма было вызвано как проявившимися к тому времени огромными недостатками, так и абсолютизацией этого учения об эволюции путем естественного отбора.

В отличие от Н.Я. Данилевского, Страхов в своих работах не столько исследует дарвинизм, сколько осуществляет философскую рефлексию по его поводу, раскрывая его значимость и недостатки. Его оценки дарвиновского учения в определенной степени совпадают с выводами Ф. Энгельса, также подходящего к дарвинизму с диалектических позиций. Так, Ф. Энгельс в письме П.П. Лаврову писал: «В учении Дарвина я принимаю *теорию развития*, дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно эти люди, которые теперь повсюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и т.д.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным кислород и пищу и, наоборот, животные доставляют растениям углекислоту и удобрения, как это особенно подчеркивал Либих». И далее он делает следующий вывод: «Обе эти концепции в известных границах до известной степени правомерны, но как та, так и другая одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие тел природы – как мертвых, так и живых – включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, та и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе подводить все богатое многообразие исторического развития под одностороннюю и тощую формулу «борьба за существование» формулу, которая даже в области природы может быть принята лишь *cum grano salis*, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор»³. Такая

¹ Там же С 74

² Там же С 75

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Г 34 С 133

осторожность Ф. Энгельса вполне понятна, так как ему была ясна несостоятельность мальтузианства, с которым связана теория естественного отбора, а к механическому материализму он относился далеко не доброжелательно. Кроме того, следует согласиться с Энгельсом, что Ч. Дарвин приписывал своему открытию чрезмерно широкую сферу действия, не мог достаточно четко определить его границы.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс не только поддерживали и защищали теорию Ч. Дарвина, но и относились к ней критически. Они считали, что причины саморазвития сложной биологической системы последовательных процессов находятся не в балансировании якобы независимых сторон – организма и среды, – а во взаимодействии всех компонентов природы, а в их внутренних противоречиях, разрешение которых ведет к переходу всей системы к новому состоянию. «Сосуществование двух взаимно-противоречивых сторон, их борьба и слияние в новую категорию и их составляют сущность диалектического развития»¹.

Ф. Энгельс в своих замечаниях к теории «борьбы за существование» отмечает, что такая борьба, вероятно, происходит на низших ступенях органического мира. Предлагая возможные разумные пути развития эволюционной теории, он указывает на то, что гипотеза Э. Геккеля о «борьбе наследственности с изменяющимся приспособлением» может объяснить собой весь процесс развития, обходясь без всякого мальтузианства и отбора.

Основными положениями критики Страховым дарвиновского учения о естественном отборе можно считать следующие: во-первых, абсолютизация борьбы и игнорирование единства, сотрудничества и солидарности у животных; во-вторых, абсолютизация случайности и недооценка необходимости в эволюции живой природы. Именно «мысль о случайности», положенная в основу гипотезы «естественного отбора» априорно, т.е. как не допускающая опытной проверки «принцип объяснения» и определила, в конечном счете, отрицательное отношение Страхова к дарвинизму². По его мнению, Дарвин просто отбросил идею совершенствования и оставил одну внешнюю среду (и ее влияние), к которой надо «приспособиться». По логике дарвинизма надо скорее говорить о том, что внешняя среда приспособливает к себе организмы, совершая пресловутый «естественный отбор». Развитие теории эволюции после Дарвина было связано главным образом с выяснением при-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 136.

² См., Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 513.

роды исходной изменчивости – материала для естественного отбора, которую Дарвин считал случайной, то есть не поддающейся объяснению: в-третьих, эмпиризм, индуктивизм и слабое теоретическое оформление.

Следует признать, что философские идеи, понятия и принципы, используемые Ч. Дарвиным, раскрываются Страховым достаточно четко и последовательно, хотя о нравственной стороне говорится довольно обстоятельно. Чувствуется какая-то недосказанность, особенно в отношении к христианству. Вместе с тем отметим, что существует определенная односторонность в осмыслении проблемы *развития* как в теории Ч. Дарвина, так и в синергетике. Поэтому остается актуальной конструктивная критика Страхова дарвиновской эволюционной теории естественного отбора.

3. Современные подходы к решению проблемы метафизики эволюционной теории

Проблемы философского обоснования эволюционного учения волнуют в последнее время представителей различных направлений. В поисках решения этих вопросов обратимся к позитивизму и диалектике. Как известно, новое обращение к метафизике и начало обсуждения метафизических оснований науки произошло в 60-е годы XX в. Этому способствовали отказ от догм неопозитивизма и снятие запрета на метафизику в самих позитивистских теориях. «Метафизические вопросы, которые позитивисты собирались навсегда похоронить, – пишет представитель современной западной философии науки Кай Хахлвег, – возникают во многих отраслях науки, и становится все более и более ясно, что они играют главную роль в определении того, что представляет собой предмет конкретной науки»¹.

Такого рода обсуждения происходила как на Западе, так и в нашей стране. В отечественной философии биологии исследователи опирались на высказывания классиков марксизма, согласно которым дарвинизм является естественноисторическим обоснованием материалистической диалектики, материалистического понимания истории и учения о классовой борьбе. Правда почти не учитывалась другая сторона их отношения к дарвинизму – конст-

---

¹ Хахлвег Кай Системный подход к эволюции и эволюционной эпистемологии // Современная философия науки. знание, рациональность, ценность в трудах мыслителей Запада Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 188–189

руктивно-критическая. Сегодня социокультурная ситуация в нашей стране существенно изменилась. Если двадцать лет назад Р.С. Карпинская утверждала, что «в науке о жизни нет ситуации пересмотра фундаментальных оснований дарвинизма и претензий на смену соответствующей парадигмы»¹, то сегодня следует признать, что назрела необходимость основательной проработки метафизических оснований дарвиновского эволюционного учения о естественном отборе.

Неопозитивистская доктрина не устранила реальную проблематику предпосылочного знания, которая представлена в кантовской концепции априорного знания. Действительно, англосаксонская философия науки второй половины XX века (Т. Кун, И. Лакатос) фактически не исключает наличия в науке априорного знания. К этому типу знания относятся исходные предпосылки науки, выбор которых, однако, условен и конвенционален

«В полной мере к проблеме исходных основоположений, которые предшествуют научному исследованию, – как отмечает Л.А. Микешина, – обратились «постпозитивисты» исторической школы – Т. Кун в учении о парадигме, И. Лакатос в методологии научно-исследовательских программ, К. Поппер и его последователи в дискуссиях о «предпосылочном знании», о «метафизике», ее содержании и роли в науке»². По ее мнению, в рамках позитивизма произошел переход от стремления логического позитивизма осуществить полную элиминацию ценностных высказываний из «строго научного» знания и отрицания внеэмпирического предпосылочного знания к их явному признанию и пониманию «метафизического», т.е. онтологического, методологического и философско-мировоззренческого содержания представителями постпозитивизма.

Хотя представители постпозитивизма (К. Поппер, Т. Кун и др.) снова заговорили о метафизических проблемах науки, однако возрождение метафизики оказалось у них половинчатым. Попытки К. Поппера и И. Лакатоса восстановить статус метафизики как теоретически достоверной сопровождались уступками позитивизму. Как отмечают известные отечественные философы науки Б.С. Грязнов и В.Н. Садовский, постпозитивисты в ответ на неопозитивистскую

---

¹ Карпинская Р.С. Научные революции и специфика развития современного биологического знания // Научные революции в динамике культуры. Мн., 1987 – С. 197

² Микешина Л.А. Метаморфозы проблемы «когнитивное – целостное» в философии и методологии науки // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990 – С. 222

зитивистскую крайность – изгнание метафизики из сферы осмысленного рассуждения – впали в другую крайность. Они пришли к «включению метафизики в [саму] науку, при котором теряется определенность в отношении того, что относится к философии и что – к науке»¹. Нерешенность проблемы дарвинизма в рамках этого направления привела, например, К. Поппера к смешению метафизических предпосылок научного знания с философией. Это выразилось в том, что К. Поппер рассматривал дарвинизм в качестве «метафизической исследовательской программы». «Я пришел к заключению, – писал он, – что дарвинизм – это не проверяемая научная теория, а метафизическая исследовательская программа – возможный каркас для проверяемых научных теорий»². В этом высказывании полностью проявился его позитивизм, правда, в высшей, последней стадии его развития. Здесь и «наука сама себе философия» и «философия (метафизика), понимаемая как совокупность наиболее общих положений той или иной науки», в данном случае эволюционной биологии. Между тем дарвинизм – это научная теория биологической эволюции, которая обобщает огромный фактический материал и объясняет основные (хотя далеко и не все) закономерности существования и развития живой природы.

К. Поппер предлагал биологии свою метафизику, хотя она и находилась ниже того уровня развития неклассической эволюционной теории, которая сформировалась во второй половине XX века. Подводя итоги своего рассмотрения взглядов К. Поппера на дарвинизм, В.И. Метлов пишет, что «можно, таким образом, с полной определенностью сказать, что методологические воззрения К. Поппера в области биологической теории эволюции находятся ниже того уровня, который детерминируется уровнем развития современной теории эволюции, и, более того, являются устаревшими по сравнению с методологическими воззрениями целого ряда выдающихся современных ученых-биологов. Современная теория эволюции приходит в ходе своего развития к постановкам и решениям проблем, носящим явно диалектический характер. Это является разительным контрастом с той безнадежной метафизикой, которую предлагает биологам К. Поппер»³. К сожалению, на этот важный момент философы науки почти не обращают внимания.

¹ Грязнов Б.С., Садовский В.И. Проблемы структуры и развития науки в «Бостонских исследованиях по философии науки» // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 28.

² Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 40.

³ Метлов В.И. Критический анализ эволюционного подхода к теории познания К. Поппера // Вопросы философии. 1979. № 2. С. 83.

В этих условиях необходимо обновить, как неоднократно утверждал А.А. Любищев, «метафизические основания биологии в целом», включая эволюционную теорию. По оценке А.А. Любищева, «классический дарвинизм не только основан на философии механического материализма, но и является важным его дополнением, куполом здания механического материализма (Больцман, Гельмгольц, Фехнер)»; «Дарвин не ставил целью пересмотр философских взглядов, и все остальные черты механистического материализма остались неприкосновенными»; «консерватизм механистического материализма в биологии не учитывает полного крушения механистического материализма в физике»; «конгениален дарвинизм и манчестерскому либерализму», а «кажущаяся конгенитальность марксизму (письмо К. Маркса Дарвину) неточна». К тому же «накопление противоречий в эволюционном учении требует пересмотра философских оснований эволюционного учения»¹.

К сожалению, мало внимания уделяется дарвинизму в свете механицизма. Между тем, как отмечает Н.Ю. Беляев, «дарвиновская теория есть только гипотеза, выработанная в рамках логической структуры “романтического механицизма”»². Для последнего характерно, что преобразование человеческого субъекта, его мировоззрения и мышления не преодолевает механицизма, но только глубоко его трансформирует. При этом абсолютная обособленность вещей происходит преимущественно из активного отчуждения, вражды и взаимной борьбы вещей и подлинно механической причиной изменения вещей является случайность.

Эти положения созвучны взглядам некоторых современных крупных отечественных биологов. Так, А.А. Любищев пишет о примитивизме материалистических ориентиров дарвинизма и правомерности утверждений о продуктивности для развития биологии идеалистической методологии «линии Платона». Он пишет, что «выражением чисто демокритовской линии является учение Дарвина о ведущей роли естественного отбора в эволюции организмов, и это направление в настоящее время, несомненно, господствует»³. Будучи невысокого мнения о дарвинизме, он утверждал, что «в науках, посвященных реальному миру, эмпиризм прочно внедрил и там, на рационализм поглядывают с опаскою.

---

¹ Любищев А.А. Философские проблемы эволюционного учения // Философские проблемы эволюционной теории (материалы к симпозиуму). М., 1971. Ч. 1. С. 43–44.

² Беляев Н.Ю. «Механицизм» в новоевропейской культуре. СПб., 2007. С. 169.

³ Любищев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб., 2001. С. 32.

Демокритовская линия в XIX веке получила завершение в дарвинизме, в учении о естественном отборе как ведущем факторе эволюции. Сам Дарвин не скрывал своей верности принципу индукции Ф. Бэкона. Он даже старался не делать преждевременных выводов, старался собирать побольше фактов»¹. Он считал, что в умозаключениях Ч. Дарвина преобладает индуктивизм, связанный с эмпиризмом. По его мнению, Дарвин просто отбросил идею совершенствования и оставил одну внешнюю среду (и ее влияние), к которой надо «приспособиться». По логике дарвинизма надо скорее говорить о том, что внешняя среда приспособливает к себе организмы, совершая пресловутый «естественный отбор». В духе К. Поппера А.А. Любищев писал, что «истинная роль философии в науке» заключается «в разработке системы постулатов, которая не может быть ни доказана, ни опровергнута, но которая может служить базой для конкретных гипотез и теорий, могущих быть отвергнутыми»².

«Дарвинизм, – считал А.А. Любищев, – в самом своем существе был, скорее, философским, чем научным направлением (что в свое время правильно отметил Данилевский), притом не осознающим свой философский характер. С этим связаны и застойный характер дарвинизма, и в значительной степени его нетерпимость»³. В этом признании дарвинизма философским направлением или учением А.А. Любищев солидаризируется с К. Поппером, что свидетельствует о наличии в его взглядах позитивистской составляющей.

Эволюционная теория Ч. Дарвина находит свое признание в синергетике. Так, И. Пригожин и И. Стенгерс считают, что «дарвиновская эволюция ассоциируется с самоорганизацией, с неуклонно возрастающей сложностью»⁴. Родство концепции самоорганизации с эволюционным отбором Ч. Дарвина отмечают В.И. Аршинов, Ю.Л. Климонтович и Ю.В. Сачков, которые пишут, что процессы эволюции в замкнутых и открытых системах различаются между собой. Если в замкнутых системах они ведут к тепловому равновесию, то в открытых системах они могут быть процессами самоорганизации. «Проблема самоорганизации в различных системах, – подчеркивают они, – не является, разумеется, новой, о чем неоднократно упоминается в книге «Порядок из хаоса». Различным

¹ Там же. С. 98

² Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: Сборник статей. М. Наука, 1982. С. 130.

³ Любищев А.А. В защиту науки: Статьи и письма Л. 1991. С. 270.

⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой М. Эдиториал УРСС, 2000. С. 121

аспектам этой проблемы посвящено много выдающихся работ. Особое место среди них занимают работы Чарльза Дарвина о естественном отборе в процессе эволюции»¹. В связи с изложенным отметим, что существует определенная односторонность в осмыслении развития как теории Дарвина, так и синергетики. В связи с этим остается актуальной конструктивная критика Страховым дарвиновской эволюционной теории естественного отбора. Все это заставляет нас еще раз обратиться не только к метафизике эволюционной биологии, но и к метафизике синергетики, выделив в них как общее, так и особенное.

Представляет интерес соображения Н.В. Гришина об исторических формах эволюционной теории. Он выделяет три формы эволюционной теории: механизм, немецкая классическая философия, современная форма эволюционной теории, постнеклассическая. По его мнению, главным оплотом метафизики в эволюционной теории является проблема временного стержня и скрепляющего каркаса эволюционной лестницы. «Невозможность решить именно эту проблему через конкретные аргументы, – утверждает Н.В. Гришин, – привела к краху первой из трех форм эволюционной теории – механицизма. Классическая наука с наибольшей отчетливостью выразила новаторскую суть данной концепции. Хотя ее ждала неудача, попытка объяснить всю картину мироздания в виде конкретного стала и наиболее амбициозной в истории попыткой преодоления метафизики. Напротив, немецкая классическая философия выступила в данном вопросе антитезисом механицизма, ибо создала максимально вне-конкретный (идеалистический) образ временного стержня эволюционной лестницы. Данная форма эволюционной теории вступила в противоречие с научным и критическим мировоззрением. Третья, современная форма эволюционной теории, относится в постклассическому периоду ее истории. Здесь должен найти место синтез между тезисной, механистической формой (гегемония конкретного) и антитезисной, немецкой классической формой (идеализм). В этих первых двух формах речь шла либо об эволюции конкретно-физического, либо об эволюции духа. Сегодня нужно создать картину эволюции всеобщей сущности, объемлющей как конкретное, так и метафизическое. Следствием этого будет изменение представлений о реальности»². В какой ме-

---

¹ В.И. Аршинов, Ю.Л. Климонтович и Ю.В. Сачков // *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 121.

² *Гришин Н.В. Метафизика в современной эволюционной теории // Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: наука и философия.* – СПб., 1998. С. 202–203.

ре применима предложенная схема к реальному развитию эволюционной теории? Можно ли использовать ее для корректировки выделяемых в нашей литературе этапов в развитии этой теории? Эта проблема поставлена в сугубо логической форме пока остается без ответа. Между тем сегодня на повестке дня стоит вопрос о метафизических оснований глобального эволюционизма.

«Идея эволюции, – отмечает И.К. Лисеев, – утвердившаяся в биологии XIX в., становится в наши дни парадигмой всего естествознания. Из фундаментальной идеи биологии она превратилась в эволюционистских способ мысли, который все более утверждается и в космологии, и в литературоведении, и в языкознании, и в кристаллографии»¹. Вместе с тем сегодня мы все более осознаем, что проблемы эволюции как в биологии, так и в культуре в целом, не могут быть решены в пределах одной частной теории и с позиций какого-либо одного жестко заданного метафизического, методологического основания, в частности принципа естественного отбора. Для этого необходимы принципы интегрального философского метода исследования, объединяющего эвристическое содержание различных концепций, теорий, школ и направлений. При этом философско-методологическая дилемма оснований «позитивизм – диалектика» может быть решена, на наш взгляд, на пути использования оснований других философских учений (феноменология, герменевтика) и общенаучных направлений (системный и синергетический подходы) и их глобальной интеграции. Все это может способствовать внесению в неклассическую эволюционную теорию новых метафизических компонентов, соответствующих современным социокультурным реалиям и способных дать новую основу для ее дальнейшего развития.

Таким образом, кризис оснований дарвинизма неразрывно связан с одномерной структурой мышления, которое сводится к антитезам «или – или». Именно поэтому необходима многомерная диалектика, предполагающая рассмотрение проблем с учетом их многоуровневости и требующая синтеза целостных сущностей в гармоническое целое. Дальнейшее развитие исследований эволюционной теории в качестве своего необходимого условия предполагает принципиальную систематизацию и интеграцию существующих подходов, что невозможно без глубокого и всестороннего осмысления ее разнообразных оснований.

---

¹ Лисеев И.К. Природа в современном философском дискурсе // Философия природы сегодня. М., 2009. С. 34